

Ради человека

Весь мир знает о подвиге разведчика космоса Константина Петровича Феоктистова, но мало кому известно, что первый подвиг он совершил в Великую Отечественную войну как разведчик-доброволец органов государственной безопасности. Подвигу комсомольца Кости Феоктистова и его боевых товарищей и посвящен очерк участника описываемых событий.

Люди ли фашисты?

В субботу 13 июня 1942 года полно было ребятишек в городском пионерском саду на проспекте Революции – главной улице Воронежа, старинного русского города, колыбели российского флота.

Было...

Около семи часов вечера к городу прорвался фашистский бомбардировщик. Первый вражеский самолёт над Воронежем — фронт проходил в ста пятидесяти километрах, в соседней, Курской области.

Огромное, свистящее и визжащее вдруг западало с неба на малышей.

Ещё, и ещё, и ещё...

Качнулись, брызнув оконными стеклами, тяжёлые каменные дома.

Казалось, все жители города кинулись на проспект, к саду, к тому месту у Михайловских часов, где только что, несколько минут назад, был пионерский сад.

И остановились.

Новые взрывы. В зоопарке. Также полным ребятишек...

Медленно опускались вскинутые выше крыш земля, куски растерзанных яблонь, груш, черные ветки сирени и ещё что-то.

Когда провиднелось, люди осторожно, на цыпочках, вступили на вздыбившуюся землю – не наступить бы невзначай!

Иных разговоров, как о зверстве фашистов – бессмысленном, диком, – не было.

С удовлетворением сообщали друг другу, что вражеский самолёт удалось сбить западнее Воронежа, под Касторной.

Подавленные увиденным, молча сидели в Брикманском саду, что неподалёку от их домов, друзья по школе Костя Феоктистов и Валя Выприцкий. Они окончили 9-й класс средней школы № 2 на улице Ленина, но Валя в прошлом году, а Костя лишь две недели назад. Валя, русский, голубоглазый, был выше Кости почти на голову и старше на два года – недавно, в мае, ему исполнилось восемнадцать. Костю влекло к Вале то, что его другу посчастливилось: мечтал быть военным и, как началась война, вступил в истребительный батальон города, созданный управлением НКВД. А вот ему, как и другим одноклассникам, не повезло. Отказали даже давнему другу Виктору Козлову. Ну, ростом тоже небольшой, а какой крепкий. Как высеченный из камня! Тяжело сейчас шестнадцатилетним! А этот бандитский налёт...

– Никак не верится, – взволнованно заговорил Костя, – что э т о мог сделать человек. Нет! Человек т а к о г о не смог бы сделать! И впервые, Валя, мне подумалось: да люди ли эти фашисты? Значит, правда, что фашисты ведут войну на истребление, что они сознательно поставили своей целью уничтожить как можно больше людей?

– А ты в этом сомневался?

– Сомневался – не то слово. Не знаю, как яснее выразить свою мысль. Воспитали нас такими, что ли, но и ты и я, вообще советский человек и мысли не допускает, чтобы нам захватывать чужие земли, убивать людей. Когда в сентябре прошлого года мы с мамой получили похоронку о гибели брата, Бориса, – он окончил Сумское артиллерийское училище за несколько дней до войны, – я думал, что погиб Боря, так сказать, в честном бою, что ли. А сейчас подумалось: а может быть, во время боя фашистская пуля и не убила Бориса, а только ранила? А когда наши были вынуждены отступить – это было где-то в районе Минска, подошёл к Борису, живому, только раненному, фашист, спокойно так вытащил пистолет и пристрелил, беспомощного. И Бориса, и других раненых. Они же не люди, могут! Бросать бомбы на ребятшек! Это страшно, Валя!

– Страшно! В истребительном батальоне, на занятиях, нас познакомили с «Памяткой немецкому солдату». Ничего человеческого в ней не найдёшь. Вот послушай, что требует Гитлер от своих офицеров и солдат, запомнил почти дословно. Он требует, чтобы каждый солдат для своей личной славы убил ровно сто русских. Требуется убивать всякого русского, советского, не останавливаться, если перед ним старик или женщина, девочка или мальчик. Требуется уничтожить в себе жалость и сострадание и не думать: мол, за него думает он, Гитлер. В одном из публичных выступлений, с которым нас тоже познакомили, Гитлер призвал – это я запомнил дословно: «Истребить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов». И ещё запомнилось сверхциничное заявление Гитлера: «Мы варвары, и мы хотим быть варварами. Это почётное звание». И ты прав: раненых они добивают. Сам видел...

– Сам, говоришь? – пытливо взглянул на друга Костя. – А где ты мог видеть? Ты что-то скрываешь. Куда ты исчезал в конце сорок первого года и весной этого года? Вернулся – будто подменили тебя. Посерьёзnel. Не доверяешь? Думаешь, проговорюсь?

– Да из тебя слова не выколотишь! – засмеялся Валя. – Это сейчас ты разговорился. Верю тебе, как самому себе, а сказать пока не имею права. Не обижайся. И извини: надо в истребительный батальон.

– Завтра я зайду к тебе.

– Ох и упрямый ты! Хорошо, до завтра.

В этот вечер Костя повидал друзей-одноклассников Виктора Козлова, Бориса Лачинова. Разговор всё о том же: что делать? В армию шестнадцатилетних не берут, в истребительный батальон тоже не взяли. Позавидовали Вале Выприцкому – и постарше, и рослый.

– Ну что делать, Валя? – спросил Костя, когда они встретились на другой день. – Тебе хорошо – нашёл свое место. А нам куда?

В голосе Кости чувствовалось такое отчаяние, что Вале стало жалко друга.

– Поклянись, что, пока жив, никому ни слова.

– Клянусь!

И Валя поделился своей тайной.

Когда началась война, он кинулся в военкомат, но там отказали – ещё возраст непризывной. Пошёл в управление НКВД, что на улице Володарского, 39. Не сразу, правда, но упросил взять разведчиком. Прошёл специальную подготовку и в составе разведывательно-диверсионной группы был направлен на Украину, в Ворошиловградскую область. Матери сказал, что едет в военное училище.

Вернулся через месяц, в декабре 1941 года. Опять учёба, в том числе прыжки с самолёта – на ладонях до сих пор мозоли от строп, и в апреле 1942 года опять на Украину. И посмотрелся, что творят гитлеровцы над советскими людьми!

– Воронежское управление, – пояснил Валя, – уже немало заслало в гитлеровский тыл, в различные области разведывательно-диверсионных групп и сейчас засылает. И разведчики очень нужны.

– Значит, можно попытаться? – обрадовался Костя.

– Я тебе ничего не говорил. Помни о клятве.

На другой день Костя пошёл в управление НКВД.

С просьбой послать в разведку в управление обращалось немало воронежцев – и молодых, и пожилых. А тут небольшого роста парнишка. Учиться ему, а не воевать. Капитан государственной безопасности Василий Юров, к которому попал Костя, не колеблясь, отказал, добавив, что на территории Воронежской области немецко-фашистских войск нет и управление в разведчиках не нуждается. Посоветовал пойти в клуб имени Дзержинского, разыскать там Антона Ивановича Башту и попроситься в истребительный батальон управления НКВД.

Антон Иванович внимательно выслушал Костю, сказал, что не возражает, но в батальон принимают только комсомольцев.

Через три дня Костя опять был у Башты, подал ему новенький комсомольский билет.

– Поздравляю с вступлением в комсомол и в истребительный батальон, – тепло сказал Башта. – Ты молодец. В такое тяжёлое время, когда наша Родина в беде, никому нельзя быть в стороне, иначе ты не человек.

По дороге домой на Рабочий проспект Костя не раз вытаскивал из кармана пиджачка удостоверение в красной обложке, вытвердил наизусть:

«УНКВД по Воронежской области

Истребительный батальон гор. Воронежа

Удостоверение

Предъявитель сего тов. ФЕОКТИСТОВ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ является бойцом 2-й роты истребительного батальона гор. Воронежа при УНКВД по Воронежской области и имеет право ношения и хранения винтовки и финского ножа.

Действительно по 31 декабря 1942 года».

Печать батальона, подписи командира, комиссара.

Маму, Марию Фёдоровну, угомонил, нарочито небрежно сказав:

– Так – военная учёба, помогать чекистам вылавливать вражеских сигнальщиков, если будут подавать световые сигналы фашистским самолётам, охранять склад с боеприпасами в Ботаническом саду...

Впрочем, Мария Фёдоровна, активная общественница райсовета, в недавнем прошлом депутат райсовета и горсовета, и не расспрашивала, лишь грустно вздохнула, вспомнив погибшего на фронте старшего сына, Бориса, мужа, Петра Павловича, человека мирной профессии – был главным бухгалтером рыбтреста, а сейчас где-то под Сталинградом, минёром.

В батальоне Костя встретил своего учителя математики Андрея Константиновича Шишкина. Андрей Константинович, ныне командир взвода, и обрадовался и встревожился: Костя – лучший его ученик, фактически его помощник, помогал отстающим, даже старшеклассникам, определенно талантлив –

нередко предлагал своё, оригинальное решение той или иной задачи. И классная руководительница Анастасия Михайловна Павлова, преподаватель русского языка и литературы, ревниво говорила, что Костю, настоящего отличника, больше тянет к математике и физике. Учиться бы Косте, а тут эти проклятые фашисты!

Встреча учителя и ученика была одна из последних: через два месяца, в сентябре 1942 года, начальник Придаченской оперативной группы УНКВД Пётр Ельчинов проведёт бойцов истребительного батальона по понтонному мосту в район Чижовки, Андрей Константинович погибнет в боях за родной город, и не только он... Не покинет своих бойцов раненый Антон Иванович Башта.

А потом на Москву...

Официальная эвакуация населения Воронежа была проведена ещё осенью 1941 года, когда немецко-фашистские войска вторглись в соседнюю, Курскую область. В первую очередь эвакуировали семьи военнослужащих, работников предприятий, учреждений. Спешно, днём и ночью, демонтировали крупные заводы и вывозили оборудование в восточные районы страны. Фашистские самолёты бомбили поезда с эвакуированными восточнее Воронежа, а сам Воронеж не трогали. Линия фронта так и осталась в Курской области. Той же осенью, ближе к зиме, Красная Армия выгнала фашистов из Ельца. Вражеские самолёты перестали появляться, и воронежцы успокоились. Дальнейшая эвакуация населения фактически прекратилась. Несмотря на запрещение, возвращались ранее выехавшие. Вернулись из Актюбинска и Феоктистовы. В январе 1942 года областная газета «Коммуна» запестрела объявлениями о возобновлении занятий в некоторых учебных заведениях, о том, что предприятиям требуются работники всех специальностей. Поговаривали, что возвращаются театр драмы, оперетта.

А 28 марта 1942 года в ставке Гитлера состоялось совещание, посвященное подготовке к наступлению на всех фронтах, и Гитлер объявил:

«Начало операции — под Воронежем... Начать у Воронежа...»

5 апреля 1942 года Гитлер подписал директиву № 41 штаба верховного главнокомандования (ОКВ), совершенно секретную, только для командования. Гитлер похвалялся результатами «зимней кампании в России» и ставил главную цель перед своими войсками в «лётной кампании»:

«Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся ещё в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров».

И уточнялось:

«Главная операция на Восточном фронте. Её цель... разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее реки Дон. В связи с тем, что необходимые для этого соединения будут поступать только постепенно, эта операция распадается на ряд последовательных, но связанных между собой ударов, дополняющих друг друга. Поэтому их следует распределить по времени с севера на юг с таким расчётом, чтобы в каждом из этих ударов на решающих направлениях было сосредоточено как можно больше сил как сухопутной армии, так и в особенности авиации... Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв... в направлении на Воронеж. Цель этого прорыва – захват города Воронежа».

Удар на Воронеж получил условное название операции «Блау». Её подготовку и проведение Гитлер возложил на командующего армиями «Юг» фельдмаршала фон Бока.

Это была одна из самых подготовленных наступательных операций немецко-фашистских войск. Захвату Воронежа Гитлер придавал очень большое значение. Немецко-фашистские войска, мечтал фюрер, через Воронеж «охватили бы Москву с юго-востока, а в дальнейшем также с востока». По приказу Гитлера для захвата Воронежа, который намечалось взять с ходу, и дальнейшего продвижения на Москву и Кавказ стягивались в мощный кулак несколько немецко-фашистских армий усиленного состава, обеспеченных самой новейшей военной техникой: 4-я танковая, 2-я полевая, основные силы 6-й полевой, 4-я воздушная, 2-я венгерская армии. Всего около сорока дивизий, в том числе шесть танковых и пять моторизованных. Свыше тысячи танков. Ещё больше самолётов. Основные силы немецко-фашистских войск концентрировались на стыке правого фланга 40-й армии и левого фланга 13-й армии Брянского фронта. А на весь Брянский фронт во всей 420-километровой полосе обороны было на ходу всего 380 средних танков Т-34 и 186 тяжёлых КВ. И самолётов значительно меньше, и зенитной артиллерии.

В самом Воронеже полевых войск не было. Воронежский гарнизон в основном состоял из бойцов-чекистов: 41-й полк НКВД, два батальона 287-го полка оперативных войск НКВД, два батальона 233-го конвойного полка НКВД, один батальон 125-го полка НКВД по охране железнодорожных сооружений. Это были малочисленные части, вооружённые лишь винтовками да ручными пулемётами. Кроме того, в Воронеже был небольшой учебный центр командного состава Юго-Западного фронта, два эскадрона учебного запасного кавалерийского полка.

С мая въезд в город был категорически запрещён. Требовался специальный пропуск. Жителям рекомендовали уезжать.

28 июня 1942 года к Воронежу прорвалась группа фашистских бомбардировщиков. Это со стороны Курска началась операция «Блау».

Был создан Воронежский боевой участок, костяком которого стали бойцы-чекисты.

30 июня немецко-фашистские войска перешли в наступление со стороны Волчанска, и операция по захвату Воронежа стала называться операцией «Брауншвейг».

До 1 июля вражеские самолёты бомбили Воронеж утром и вечером, в одни и те же часы. С 1 июля перерывы в бомбёжке были уже небольшие – от часа до двух, причём налетало уже по сотне и больше самолётов. Город уничтожался продуманно, квадрат за квадратом, начиная с западной части, и прежде всего Центральный район. Он расположен на правом берегу реки Воронеж, на горе, откуда хорошо просматриваются левобережный район – Придача, железная дорога. Воронеж – Ростов. По Центральному району проходит железнодорожная линия Курск – Воронеж – Москва (далее она идёт через Железнодорожный район, Отрожки, также отделённый от центра города рекой Воронеж).

С 4 июля налёты усилились. Одна волна «юнкерсов» – сотни две – почти тотчас же сменялась другой, третьей. В этот и следующий день смертоносный груз сбрасывало на город до двух тысяч самолётов. Воронеж горел огромным незатухающим костром, и особенно Центральный район (уцелело всего восемь процентов зданий, в основном в правобережной части, на склоне горы). Связь с 40-й

армией прервалась. Стало известно, что немецко-фашистские войска покатились к Воронежу, но где они – никто не знал.

4 июля, днём, в разведку направили группу чекистов Воронежского управления НКВД во главе с капитаном государственной безопасности Алексеем Чепцовым. Разведчиков заверили, что немцы ещё далеко, за Доном. Но когда спецмашина на предельной скорости влетела в редкий Шиловский лес, примерно в одиннадцати километрах от Воронежа, чекисты попали под шквальный огонь пулемётов. Шофёр успел остановить машину, но, как только выскочил из кабины, его прошило автоматной очередью. Часть разведчиков стала пробираться в сторону Воронежа – надо было как можно скорее сообщить, что в этом районе гитлеровцы уже переправились через Дон. Остались Анатолий Павлюкевич, Мухеник и автор этих строк, чтобы попытаться уточнить обстановку. Погиб Мухеник. Уже недалеко от города нас задержали и чуть не расстреляли свои же солдаты, приняв за гитлеровских шпионов.

В ночь на 5 июля заместитель начальника управления НКВД майор государственной безопасности Иустин Прошаков доложил тревожные сведения разведчиков обкому партии, командованию Воронежского боевого участка. По указанию обкома партии с рассвета 5 июля и до позднего вечера сотрудники управления разыскивали в подвалах жителей и предупреждали, что надо уходить немедленно. Бомбёжка в этот день была особенно сильной, и мало кто мог выйти из города.

В это время подоспевшая 232-я Сибирская стрелковая дивизия уже вела бой на западной окраине Воронежа (благодарные воронежцы одну из улиц назовут улицей Героев сибиряков, воздвигнут им памятник). Заняли линию обороны бойцы подразделений НКВД. Узенькая цепочка чекистов заняла линию обороны в западной части города – от реки Воронеж, от ВОГРЭСА, до аэродрома на Задонском шоссе. Чекисты поклялись: «Умрём, но будем держаться до последнего!» А к Воронежу уже спешило подкрепление из Ельца и других мест.

Бойцы истребительного батальона, находившиеся последние две недели на казарменном положении, вооружённые лишь винтовками, ещё 4 июля получили приказ выйти из города в одиночном порядке; сбор в селе Анна.

Костя, с разрешения командира, побежал домой, беспокоясь, жива ли мама. Бежать под бомбёжкой пришлось почти через весь город. Успокаивал себя тем, что под полом сеней их кирпичного одноэтажного домика есть глубокий погреб, добротнo вырытый отцом. Но если прямое попадание?!..

Жива! Фашистские лётчики пока не уничтожили этот район, и улица Рабочий проспект – немощёная, неровная, заросшая травой – почти не пострадала.

Выходили вместе с друзьями, Сухоедовыми, проживавшими напротив. На тележку положили наскоро собранные вещи, самое необходимое. Костя и его друг Борис Сухоедов с трудом вытолкнули тележку в гору, к Транспортной улице. За ними с узелками шли Мария Фёдоровна, родители Бориса. Костя чувствовал себя виноватым перед матерью: осенью прошлого года они эвакуировались в Актюбинск, он пытался удрать на фронт – Мария Федоровна поймала его на станции и дала слово вернуться. И вот вернулись!..

Шли в сплошном потоке людей, также спешивших воспользоваться кратковременным перерывом в бомбёжке и выйти из пылающего города на левый берег, на Придачу, и дальше, на восток. Прошли Брикманский сад на Транспортной,

вышли к мосту через железную дорогу. Идти надо было проспектом Революции до Петровского сквера, от него влево по улице Степана Разина, круто спускавшейся к реке, к Чернавскому мосту. А впереди, над проспектом Революции, опять повисли тучей фашистские самолёты. Успеть бы!

Чернавский мост тогда соединялся с Придачей дамбой длиной более километра, шириной метров пятнадцать и высотой три – пять метров. По краям дамбы, слева и справа, росли древние дубы – дамбу построили ещё в XVIII веке. Вот тут-то и налетели фашистские истребители. Конечно, было отлично видно, что на дамбе женщины, дети, старики. На бреющем полёте фашисты летали вдоль дамбы и расстреливали людей из пулёметов, пока не кончились патроны.

Уцелели немногие. Среди них Феокистовы и Сухоедовы. Уже без тележки, побросав то самое ценное, что надеялись спасти, измученные донельзя, заночевали за Придачей, в поле. Потом через Новую Усмань добрались, уже 6 июля, до Рождественской Хавы. Все ближайшие села были до отказа набиты воронежцами.

Ещё дорогой, когда миновали Придачу, Костя упрашивал Бориса Сухоедова:

– Давай вернемся в Воронеж драться с этими проклятыми фашистами! Ну, Боря...

Борис Сухоедов, старше Кости на полтора года, и сам рвался на фронт. Показывая на родителей, отвечал:

– Вот отведём в безопасное место...

7 июля, на другой день, как пришли в Рождественскую Хаву, Костя исчез. На столе приютивших их хозяев Мария Федоровна, уходившая поискать что-нибудь поесть, нашла Костину записку. Костя кратко извещал, что ушёл на фронт.

Через день на фронт ушёл и Борис Сухоедов.

За советскую Родину!

Так случилось, что Костя, ещё не выйдя из Рождественской Хавы, увидел пропылившийся грузовик, и как раз на дороге в сторону Воронежа. В кузове грузовика были военные в чекистской форме. Среди них Костя заметил капитана государственной безопасности Василия Юрова. Юров также узнал Костю.

– Теперь-то не откажете? – спросил, поздоровавшись, Костя и, не дожидаясь ответа, подпрыгнув, схватился за борт грузовика, подтянулся и перемахнул в кузов.

– Ловко! – одобрительно заметил один из чекистов. – И далеко тебе ехать, паренёк?

– В Воронеж. К вам, в управление.

– В Воронеже уже фашисты, дружок.

– Костя приходил к нам проситься в разведчики, – пояснил Юров.

– Ну, в разведчики – это ещё надо подумать, а в хозяйстве может помочь. Родители где?

– Отец на фронте, а мама... Наш эшелон с эвакуированными фашисты разбомбили на станции Графская...

– Значит, погибла мама?

– Что вы! – даже испугался Костя. – Жива. Только мы... растерялись... Возьмите. Все равно буду на фронте.

Уговорил.

Чекисты возвращались в район Воронежа для выполнения специальных заданий. С каждым километром всё отчетливее слышался грохот боя. Встречались спешившие на восток люди, останавливали машину и тревожно говорили, что

немецкие танки уже прорвались на Придачу и идут сюда... Машина пошла медленнее, часа через три въехала во двор дачи Юго-Восточной железной дороги в посёлке Сомово. Здесь, под Воронежем, в Сосновке, как называется эта часть Сомова, уже действовал штаб Центральной оперативной группы НКВД, специально созданный на Воронежском боевом участке для разведывательной работы за линией фронта. Группа была зашифрована под войсковую часть № 3051. Её командиром был капитан государственной безопасности Василий Соболев, его заместителем – бывший пограничник Николай Беленко, парторгом группы – лейтенант государственной безопасности Валерьян Матвеев. Здесь же, в Сосновке, на улице Конституции, 21, расположилась разведывательная школа, а в Отрожках и на Придаче – разведывательные группы, подчинявшиеся сомовскому штабу. Оперативные группы управления НКВД, имевшие разведывательные и контрразведывательные функции, уже действовали во всех районах Воронежской области, ставшими фронтовыми или прифронтовыми, и за семь месяцев частичной оккупации области выявили и обезвредили немало гитлеровских шпионов, диверсантов, террористов, добыли ценные разведывательные сведения.

Костя говорил чекистам, что хорошо знает город, и просил взять его разведчиком. В тот же вечер с группой чекистов, направлявшихся на Придачу, он пришёл в Отрожки, крупный железнодорожный узел Воронежа. Станцию почти непрерывно бомбили фашистские самолёты. Все пути были забиты горевшими вагонами.

Так Костя попал в оперативную группу младшего лейтенанта государственной безопасности Михаила Назарьева. Группа размещалась на станции, в деревянном домике линейного отделения милиции. Потом она перешла в более спокойное место – на Пионерскую, 36.

Назарьев не спал несколько ночей. Положил на колени полевую сумку, вытащил блокнот, карандаш и, слушая Костю, делал записи.

– Разведка – не приключение, а очень опасный и тяжёлый труд, – резко сказал он.

– Понимаю.

– Убить могут. Фашистам наплевать – взрослый ты или подросток.

– Знаю. Всё решил. Не пугайте.

«Немногословен», – подумал Назарьев и пытливо посмотрел на Костю.

Простой костюмчик тёмного цвета мальчикового покроя, воротник белой рубашки выпущен на воротник пиджачка, брюки короткие, не по росту, хромовые неновые ботинки, носков что-то не видно; волосы тёмные и густые, гладкие, уши большие, и верхняя часть оттопырена. Говорит, родился 7 февраля 1926 года в Воронеже. Значит, сегодня ему ровно шестнадцать лет и пять месяцев. Золотые у нас ребята! Некоторые по своей инициативе уже ходили в разведку.

– Ну, если твердо решил, слушай, какая обстановка в городе, что надо будет выяснить и как безопаснее и лучше.

А обстановка сложилась очень тяжёлая.

Немецко-фашистским войскам не удалось захватить Воронеж с ходу. Линию нашей обороны в Курской области они прорвали, использовав значительное численное превосходство и превосходство в технике, но красноармейцы, отступая к Воронежу, сопротивлялись отчаянно. На подступах к городу придержала фашистов 232-я Сибирская стрелковая дивизия, укомплектованная в основном молодыми

бойцами, и ещё не обстрелянными. Сдержали свою клятву бойцы-чекисты подразделений НКВД, прозванные гитлеровцами за упорное сопротивление и бесстрашие «фанатиками НКВД». Многие из них погибли, но вместе с сибиряками они задержали немцев в Центральном районе города, не пропустили на левый берег. На помощь чекистам и сибирякам подоспели полевые войска, с марша вступившие в бой со стороны Отрожек. Шли кровопролитные уличные бои уже в районе областной больницы, Сельскохозяйственного института. А это в нескольких километрах от Отрожек...

Назарьев пояснил, где находятся наши части и где гитлеровские, что, по сведениям разведчиков, немцы пока не трогают население – не до него; передвижение по городу днём свободное, исключая такие-то улицы; в городе немало ребят, разыскивающих своих близких, и меньше вызовет подозрений, если Костя не будет таиться, а в случае задержания скажет, что ищет маму: мол, потеряли друг друга, когда немцы бомбили город. Линию фронта безопаснее перейти левее поселка Отрожки – между селом Отрожки и Придачей, переплыв реку напротив Архиерейской рощи, уже захваченной фашистами. В этом месте наших войск нет, гитлеровцы не так бдительны, держат небольшие силы.

Инструктаж длился долго. Михаил Назарьев с удовлетворением заметил, что Костя слушает очень внимательно, вопросы задает дельные.

Несколько часов можно было поспать, но сон не шёл. Ночью вместе с Кузнецовым, помощником Назарьева, Костя был на берегу реки. Для переправы место очень удобное: здесь река делает крутой поворот, подходит к самой Архиерейской роще вплотную.

Следуя совету Назарьева не таиться, Костя дождался рассвета. Поплыл бесшумно. Как пригодилась игра «в рули» с товарищами по школе: требовалось хорошо и быстро плавать, неслышно поднырнуть и схватить за ногу. Сначала отставал от ребят, но – такой уж характер! – специально приходил один потренироваться, и наловчился.

Автоматная очередь полоснула воду неподалеку. Как захотелось нырнуть поглубже и уйти под водой назад! «Не таиться!» Заставил себя приподнять руку, как бы говоря: «Вижу, что стреляете!» – и поплыл нарочито шумно, не таясь.

Стрельба прекратилась.

На берегу, за деревьями, офицер и солдаты. Подсчитал: десять – двенадцать. Сказал, как задумали, что в городе осталась мама – «муттер, муттер». Чёрт их знает — поняли или нет! Офицер что-то приказал солдату – вот когда пожалел, что мало внимания уделял изучению языка! Солдат повёл к высокой железнодорожной насыпи, проходившей неподалёку. Костя успел рассмотреть, что в Архиерейской роще немцев, действительно, немного, как и говорил Назарьев. В подвальной части общежития заметил четыре пулемётных гнезда. По насыпи в сторону Отрожек прошло пять танков. С насыпи было видно Берёзовую рощу. И там танки. Пять... восемь... Кажется, десять. Замаскированы ветками.

Сердце стучало уже не так громко.

Спускаясь с крутой насыпи, чуть не наступил на труп красноармейца. Совсем молодой.

У входа в Ботанический сад – городской парк культуры и отдыха – встретился куда-то спешивший офицер. Солдат доложил ему. Офицер на ходу сказал что-то раздраженно. Вроде как приказал куда-то отвести.

Солдат повёл Костю вверх по улице Ленина. На каждом шагу следы боев. В доме, где размещалось 4-е отделение милиции, и в других уцелевших домах немцы оборудовали в подвальной части пулемётные гнезда. Прошли мимо Костиной школы. Во дворе полковая пушка. Свернули на Транспортную улицу. У входа в Брикманский сад часовой, в саду много людей. Задержанные, что ли?

Конвоир что-то сказал часовому, толкнул Костю за решётку сада и ушёл.

В саду знакома каждая тропка – ведь сад почти рядом с домом. Прислушался к разговорам, как советовал Назарьев. Люди говорили, что делается в городе, – это важно, надо запомнить! Значит, по улицам пока можно ходить свободно. Порадовало, что все с ненавистью говорят о фашистах, верят, что их скоро прогонят.

Запомнив, что в саду гаубичная батарея, Костя известной ему лазейкой выбрался из сада, правильно рассудив, что прежде всего надо добраться до своего дома: если задержат, скажет, что здесь живёт.

Издали увидел высокий тополь, растущий у калитки. Дом уцелел. Торопливо вошёл. Немцы уже успели изгадить комнаты, на полу валялись пустые бутылки от французских вин. Откуда французские вина? Потом, когда Костя доложит, окажется, что в разведке мелочей нет: для захвата Воронежа Гитлер одну из армий перебросил из Франции.

На улице разговаривали незнакомые женщины. Костя услышал:

– Фашисты говорят, будто Турция и Япония объявили нам войну, что Ленинград взят и война будет закончена через месяц.

– Брешут, – сказал Костя. – Не верьте им, и другим передайте, чтобы не верили.

Улица Урицкого забита мотопехотой – не менее полка, в Первомайском саду через узорчатую железную ограду увидел танки: два около ограды, выходящей на проспект Революции, два – около летнего театра, один у ресторана... У конфетной фабрики на Кольцовской четыре пушки... Как много надо запоминать разведчику! Записывать нельзя!

С невольным любопытством и со страхом вглядывался в гитлеровцев, но они не обращали на него никакого внимания, и это успокоило. Жалко было тех, кто не успел выйти на левый берег и сейчас ютился в подвалах, в немногих уцелевших домах. Все хмурые, явно голодные. И самому есть хочется. Не прозевать бы наступления комендантского часа, чтобы до шести часов вечера обойти как можно больше улиц.

Вечером дворами, развалинами, уже опасаясь попадаться на глаза немцам, добрался до прибрежных улиц, круто спускающихся к реке. Они пострадали мало. Здесь крупных частей гитлеровцев не было. На улицу Цюрупы вход запрещён – висит фанерное объявление; там у здания военкомата заметил офицеров в эсэсовской форме. Их особенно надо опасаться.

Как учили, залёг в развалинах дома поближе к берегу, высмотрел, где по берегу шагают патрули, рассчитал, сколько времени проходит, когда солдаты расходятся в разные стороны и опять встречаются, и, когда стемнело, по-пластунски к реке, потом лугом на Придачу, оттуда в Отрожки.

Приятно было – Михаил Назарьев обнял за плечи, тепло сказал:

– Спасибо, Костя! Очень ценные сведения! Страшно было?

Искренне ответил:

– Страшно. – И торопливо добавил: – Привыкнуть можно.

Назарьев невольно рассмеялся, вытащил из полевой сумки бумагу, попросил подробно описать всё, что он видел, слышал.

– А вот это представляет интерес? – спросил Костя. – На доме санчасти управления НКВД и на некоторых других уцелевших каменных домах я видел надпись мелом по-немецки: «Ахтунг! Нихт анбреннен!» «Внимание! Не поджигать!» Как это понять?

– Очень важная деталь. Не обратил внимания, есть немцы в таких зданиях?

– Есть. Похоже, штаб подразделения.

– Вот и важно поэтому. А надпись понимай буквально. В гитлеровском приказе «О поведении войск на Востоке» сказано, что сохранять только те здания, которые используются в военных целях, а остальные уничтожать. Мол, никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения.

Как потом установили разведчики-чекисты, фашисты, ограбив ненужный им дом, поджигали его. В захваченной после освобождения Воронежа брошюре немецкого военного корреспондента Густава Штебе «Наступление на Воронеж и оборона Воронежа» говорилось:

«Город, как таковой, не представляет собой в настоящее время никакой ценности. Нужны будут десятки лет, чтобы его вновь отстроить и начать новую жизнь».

Но советские люди восстановили Воронеж за несколько лет.

Назарьев порадовал Костю, сказав ему, что 7 июля подписан приказ о создании Воронежского фронта, что к Воронежу подтягиваются новые полевые войска.

11 июля бойцы 233-го полка НКВД, наступая со стороны Отрожек, выбили немцев из Архиерейской рощи. Несколькими днями позже представитель Ставки Главнокомандования оставит командиру части НКВД, выбившей гитлеровцев из района Сельскохозяйственного института, такую запись:

«В трудный, напряжённый боевой период для Воронежа по уничтожению фашистских захватчиков лично вам и всем бойцам, командирам и политработникам частей НКВД Военный совет выносит благодарность.

Уничтожайте захватчиков до последнего...

Родина ваших боевых заслуг никогда не забудет».

Из двух тысяч бойцов-чекистов в живых осталось около двухсот. На левый берег гитлеровцы не прошли. Взбешённый Гитлер снял с поста фельдмаршала фон Бока. Через несколько дней он будет вынужден повернуть значительную часть войск вдоль западного берега Дона, вправо от Воронежа, на Сталинград.

Однако оборонявших Воронеж было меньше, чем гитлеровцев, не хватало и военной техники. К Воронежу подтягивались новые полевые войска, но почти тотчас же направлялись вдоль восточного берега Дона, к Сталинграду. Защитники Воронежа понимали лишь одно: сдержать фашистов на московском направлении, и ни шагу назад, чего бы это ни стоило.

Командованию Воронежского фронта нужны были ежедневно разведывательные сведения, иначе малыми силами сдержать врага трудно. Центральная оперативная группа НКВД пополнилась новыми чекистами, переброшенными из других фронтовых районов. Возникла новая разведывательная группа в освобождённом районе Сельскохозяйственного института. Её возглавили Михаил Назарьев, Семён Погорельцев. Расположилась она на даче имени Пушкина.

Оперативная группа в Отрожках обновилась. Здесь и в Сосновке по-прежнему обучались и отдыхали разведчики, ожидая новых заданий.

Костя настойчиво просил опять послать его в разведку. А его настойчивости и тогда хватило бы на десяток человек.

20 июля Костя вместе с разведчицей Валеёй, молодой красивой женщиной, пробрался лугом со стороны Придачи к так называвшемуся домику Петра Первого. Домик находился на берегу реки, на «ничейной» земле. Здесь с 1696 по 1711 год Пётр строил первые на Руси парусные корабли. Из развалин домика хорошо просматривался правый берег, теперь чужой. Выбрав удобный момент, разведчики переправились через реку, в Центральный район города.

У Валеёй, ставшей разведчицей также добровольно, было особое задание – разыскать некоторых наших разведчиков, заранее оставленных в городе, и получить собранные ими разведывательные сведения. Через несколько дней Валеёя уже перебралась благополучно на левый берег, до окопов наших солдат осталось всего несколько шагов, и тут её догнала вражеская пуля. Встречавший Валеёю заместитель начальника Центральной оперативной группы Николай Беленко заплакал. На окровавленной груди, под кофточкой, обнаружили очень ценные разведывательные сведения. Задание Валеёя выполнила. До захвата гитлеровцами Центрального района Валеёя работала под Воронежем учительницей.

Костя вернулся благополучно, также выполнив свое задание. В Отрожках две неожиданные и приятные встречи. Сначала с Антоном Ивановичем Баштой. Антон Иванович по-детски обрадовался, увидев Костю живым, невредимым, а потом упрекнул: почему не пришёл на сборный пункт в село Анна? Узнав, что Костя стал разведчиком и уже дважды ходил в разведку, уважительно пожал руку. Он-то, занимавшийся разведкой в тылу врага ещё в Гражданскую войну, отлично знал, что это такое – быть разведчиком. Башта сказал, что истребительный батальон пока помогает бойцам поредевшего 125-го полка НКВД охранять отроженские железнодорожные мосты через реку Воронеж, что фрицы бомбят мосты по нескольку раз в день, так как по ним переправляются и бойцы, и танки, и артиллерия, а попасть никак не могут; зато в батальоне ежедневно вдоволь свежей рыбы. Пригласил на уху.

Вторая встреча – со школьным другом Валеёй Выприцким, в оперативной группе НКВД, на Пионерской. Оказалось, что Валеёя тоже разведчик этой группы, не раз бывал в оккупированной части Воронежа. Обстоятельства так складывались, что ему никак не удавалось выяснить судьбу родных. Только вчера ему удалось вместе с другим разведчиком попасть на улицу Урицкого, но гитлеровцы их задержали, заставили копать траншею, совсем недалеко от его дома. И вдруг по улице идут мама, Екатерина Павловна, и сестрёнка, одиннадцатилетняя Галя. Так сердце и упало: значит, не успели уйти от фрицев! Кинулись к нему, но он успел приложить палец к губам и сам отвернулся: мол, мы не знакомы. Так и прошли мимо, встревоженные...

Друзья попросили, чтобы в разведку их послали вместе.

24 июля вместе с сопровождавшим их чекистом Александром Кононовым перешли Отроженские мосты, вскоре с насыпи свернули вправо, в лес Сельскохозяйственного института, переходящий затем в Ботанический сад. То и дело приходилось ложиться – немцы обстреливали этот район из орудий, снаряды рвались, казалось, совсем рядом. Пока добрались до Сельскохозяйственного

института, все были обсыпаны землей. Здесь недавно шли кровопролитные бои. От здания института остались одни стены. На фасаде крупные дыры от снарядов, он весь изрешечен пулями, а скульптура Ленина над главным входом не имела ни одной царапины.

Пошли дальше, к линии фронта, проходившей внизу, через Ботанический сад. Дорогу уже показывал сержант в каске. С его помощью друзья благополучно проползли заминированный участок – значительно правее входа в Ботанический сад и, используя где кустарник, где овраг, оказались за линией фронта, в Троицкой слободе. Здесь знакома каждая тропка.

Когда дворами отошли подальше, на стенах домов, на заборах увидели объявления, отпечатанные типографским способом. Содержание одинаковое:

«Все гражданское население обязано немедленно покинуть город Воронеж. Разрешается только минимальный багаж. Население собирается на южной окраине города, откуда оно будет отправлено через Дон. Распределение населения происходит по плану западнее Дона. Приказам жандармерии нужно обязательно подчиняться. Исключения невозможны.

Местный комендант».

– Боятся фрицы русских людей! – заметил Валя. – Когда был здесь прошлый раз, мне рассказывали, что кое-кто из жителей уже начал прихлопывать фашистов. Эх, стукнуть бы хоть одного, да нельзя нам! И никто к ним на службу не идет добровольно. Разве что из-за куска хлеба. Профессор Покровский, знаменитый глазной врач, предпочёл демонстративно нищенствовать в селах западнее Воронежа. Среди интеллигенции вербует предателей некто под кличкой «Богдан», подчиняется немцу Шульцу, а среди остальных какой-то Зайдель. Да, говорят, охотников не находится. Пойдем, надо торопиться.

Люди не хотели уходить. Гитлеровские офицеры и солдаты силой выгоняли их на улицу. Все молча тянулись с тощими узелками, как выяснилось, за маслозавод, где был основной сборный пункт. Там людей разбивали на колонны, во главе каждой ставили транспорт-фюрера и под конвоем гнали за Дон, в село Хохол Хохольского района Воронежской области. В Хохле – центральный сортировочный пункт. Молодых, здоровых гонят куда-то дальше. Как рабов...

Прошли Рабочим проспектом мимо дома Кости – он ещё стоял, зияя разбитыми окнами, потом дворами на улицу Урицкого – Вале не терпелось повидать родных.

Костя остался на улице, а Валя вбежал в дом. Вернулся через несколько минут, расстроенный.

– Пока все живы, – ответил он на молчаливый вопрос Кости. – Идут на сборный пункт, иначе...

Добротные ботинки Валя отдал дедушке, на ногах теперь старенькие брезентовые туфли.

Испугались и остановились поодаль, увидев на проспекте Революции, у входа в Первомайский сад, виселицу. Старик в фуфайке и брюках железнодорожника. Через дорогу, у Дворца пионеров, проволокой за горло к столбу прикручена молодая женщина.

– Как похожа на нашу разведчицу Иру Плохих, – тихо сказал Валя. – Сволочи!

Молча дошли до Кольцовского сквера, взволнованные, готовые на всё, чтобы отомстить гитлеровцам. По дороге у встречавшихся жителей узнали, что гитлеровцы лютуют всюду. В Петровском сквере изрезали ножами группу пленных

красноармейцев и потом уже добились, почти на каждой улице расстрелянные женщины, дети...

Как-то стало легче, когда в Кольцовском сквере увидели могилы фашистов. Насчитали сто сорок крестов и сбились со счёта. А поди под каждым крестом по десятку! Так их, гадов!..

Узнали, что расстреливает жителей и вешает карательный отряд, расположившийся в доме № 92а на улице Карла Маркса, а также тайная полевая полиция – ГФП, которую всё называют гестапо; она заняла дом № 35 на Студенческой улице.

Выяснив немало ценного, разведчики вернулись в Троицкую слободу. Обратный переход был намечен в том же районе, удобном тем, что здесь много оврагов, кустарника. А с той стороны, в случае чего, должны прикрыть огнём. Оставалось пройти совсем немного, и вдруг наткнулись на гитлеровских солдат. Они прятались за кирпичной стеной разрушенного дома и, как показалось Косте и Вале, даже обрадовались им. Сунули в руки лопаты и знаками показали, что надо углубить находившийся рядом окоп.

– Боятся нашего снайпера, гады! – сказал Валя и, не таясь, прыгнул в окоп. Костя за ним.

Валя был значительно выше Кости. Встав на цыпочки, он выглянул из окопа проверить, наблюдают ли за ними гитлеровцы, и тут же раздался выстрел. Валя опустился, будто ноги его вдруг стали ватными, и упал на бок. Костя с ужасом кинулся к другу. Пуля попала другу в лоб. Голубые Валины глаза помутнели.

С огромным трудом Костя, не думая, что и его гитлеровцы могут пристрелить, вытолкнул тело друга из окопа, вылез сам. Взяв Валу под мышки, отнёс подальше. Другу уже ничем нельзя было помочь, и Костя кинулся в кусты. Вслед раздались автоматные очереди.

...Вернулся Костя ночью, перейдя линию фронта в другом месте – напротив Придачи. Переплыв реку, почти всю дорогу, несколько километров, бежал, но так и не согрелся. Била нервная дрожь.

Попросился опять в разведку, но ему твёрдо сказали: «Отдохни».

В разведку пошёл 1 августа. Вдоль высокой дамбы пробрался в район Чернавского моста, реку переплыл незамеченным. До рассвета прятался в развалинах дома. Дворами стал подниматься вверх, в направлении проспекта Революции, и тут его задержал солдат. Повел в сторону военного городка.

На проспекте Революции, на площади XX-летия Октября, на улице Кирова новые виселицы. На груди повешенных фанерные листы с надписью по-русски:

«Несмотря на приказ, я вернулся в эвакуированную область и наказан за непослушание и шпионаж».

Из жителей никого не видно.

Солдат привел Костю в военный городок, где было много людей. Прислушиваясь к разговорам, сам задавая вопросы, Костя выяснил, что сюда согнали жителей западной части города, подлежащих эвакуации в последнюю очередь; из восточной части все уже отселены, и вступил в силу приказ: кого обнаружат, расстреливать на месте. Люди говорили, что гитлеровцы было посчитали город уже своим, назначили бургомистром какого-то Михайлова, вышел один номер газеты «Новая правда», без фамилии редактора, но наши не пустили их дальше, на левый берег, и гитлеровцы стали грабить город, вывозить всё ценное,

поджигать уцелевшие дома. Сломали и вывезли на металлолом бронзовый памятник Петру Первому. В школе № 29 на улице XX-летия Октября создали, по их словам, «гражданский госпиталь», куда якобы для лечения свезли несколько сот больных, инвалидов, стариков, женщин, детей. А вскоре Циммерман и Золя, помощники начальника карательного отряда СД Августа Бруха, расстреляли часть людей во дворе школы. В числе расстрелянных профессор Вержбловский, врач Мухина, больной взрослый сын профессора Пучковского...

Никто тогда не знал, что остальных 450 человек, в том числе 35 детей, гитлеровцы в конце августа отвезут в Песчаный лог и расстреляют там. Об этом уже после освобождения Воронежа расскажет чудом спасшаяся Анна Федотовна Попова.

Ночью Косте удалось скрыться. Реку переплыл в том же месте.

Сообщённые Костей сведения представляли большую ценность. На другой день некоторые крупные огневые точки были подавлены артиллерией и «кукурузниками», как называли лёгкие самолёты, бесстрашно летавшие бомбить гитлеровцев. Прояснилось также положение населения, судьба которого всех тревожила.

«Расстрелян фашистами 11 августа 1942 года»

Посылать разведчиков в город было уже значительно сложнее, опаснее. И другие разведчики подтверждали, что гитлеровцы, обнаружив кого-либо из жителей, расстреливают на месте. А воевать без разведчиков – воевать вслепую, сознательно идти на то, чтобы жертвовать жизнью сотен бойцов. Если немецко-фашистским захватчикам до сих пор не удалось прорваться на левый берег, в этом, конечно, большая заслуга и разведчиков. Обстановка требовала не только во что бы то ни стало не пустить дальше немецко-фашистские войска, но и выгнать их за Дон. Командование Воронежского фронта готовило наступление, и разведывательные сведения были нужны как воздух. Подходившие войска в основном занимали позиции на флангах города с таким расчётом, чтобы взять гитлеровцев в клещи. Разведчики-чекисты ежедневно ходили в разведку, а вот возвращались далеко не все. Война есть война.

В ночь на 11 августа 1942 года после тщательного инструктажа в разведку пошли Костя Феокистов и Юрий Павлов. Задание – разведать правобережную часть города – от Архиерейской рощи, опять захваченной гитлеровцами, и дальше, в направлении Чернавского моста. Юра Павлов чуть помоложе Кости, не раз ходил в разведку и показал себя смышлёным, находчивым. До захвата Центрального района Воронежа он проживал в правобережной части, отлично знал там все улицы, переулки, и это помогало ему проскальзывать мимо гитлеровских постов.

Переплыли реку ночью, держа направление на Архиерейскую рощу. К берегу подплыли бесшумно, не обнаружив себя, в реке переждали, когда патрулировавшие солдаты пойдут в разные стороны, и, уже зная, где безопаснее пройти, благополучно проскользнули через рощу к первым домам. До рассвета скрывались в воронке от снаряда, а когда рассвело, стали разведывать этот район.

Оказалось, что немцы подбросили новые части и к роще, и в район стадиона «Динамо» и Ботанического сада. Дворами пошли параллельно берегу. Собственно, «пошли» – не то слово: где ползли, а где перебежали. Костя – впереди, Юра – сзади, метрах в двухстах.

Выяснилось, что в правобережной части, от улицы Оборона Революции и дальше, в направлении Чернавского моста, гитлеровцев стало также значительно больше. Посты на берегу усилены. На перекрестке улиц Анатолия Дурова и Крестьянской, Средне-Смоленской и Солдатского переулка, на улице Сакко и Ванцетти и в других местах появилась артиллерия. У Терновой церкви два шестиствольных миномета. В ограде Успенской церкви дальнобойные и зенитные орудия, шестиствольные минометы. На колокольне бывшего Митрофановского монастыря наблюдательный пункт – отсюда отлично видно все, что делается на Придаче...

Жителей – никого.

Самое сложное – перебегать бесчисленные улицы, круто спускающиеся к реке. Хорошо, что неширокие.

Когда Костя перебежал Средне-Смоленскую улицу, он услышал хриплый крик: – Хальт! Хенде хох! (Стой! Руки вверх!)

И по-русски:

– Стоять!

Остановился.

Эсэсовец с двумя солдатами. И ещё три солдата-автоматчика, стреляя, бегут туда, где Юра.

Юра успел шмыгнуть во двор дома.

«Молодец, – обрадовался Костя. – Смышлёный парень, удерёт, не впервые!»

Эсэсовец что-то сказал солдатам и сам пошёл в сторону видневшегося перекрестка – там улица Сакко и Ванцетти пересекает Средне-Смоленскую. Солдаты подбежали к Косте, подтолкнули его: мол, пошли.

«Куда? – тревожно подумал Костя. – Если эсэсовец на перекрестке повернет налево, значит, на улицу Цюрупы, где эсэсовцы. Если направо – там, на Девичьем рынке, виселица».

Эсэсовец повернул направо.

От перекрестка к Девичьему рынку небольшой подъем. Прошли сторевшую районную библиотеку, полностью разрушенный дом, у третьего дома, налево, от которого сохранились стены первого этажа, эсэсовец остановился, о чём-то порассуждал, махнул рукой и вошёл во двор.

Солдаты подвели Костю к полукруглому погребу. На месте входа в погреб зияла яма. Солдаты поставили Костю на самый край ямы, спиной к ней. Эсэсовец встал в двух шагах от него, напротив.

Костя торопливо стал говорить, что он живёт здесь, в городе...

– Врёшь! Врёшь! – прервал его эсэсовец и потянул руку к кобуре пистолета.

Потянул медленно, а пистолет выхватил быстро и сразу выстрелил.

Больно ударило в подбородок слева...

Юра Павлов вернулся в Отрожки на другой день, на рассвете 12 августа. Сказал, что Костю расстреляли фашисты.

...Падая в яму, Костя инстинктивно повернулся, и полусогнутые руки смягчили удар.

Живой!

Уцелел!

Только бы не шевельнуться!

Притвориться мёртвым!

Что-то тяжёлое ударилось рядом с головой, так что невольно вздрогнул.

Потом рассмотрел: большущий камень.

В голову целил, гад! Не попал!

Сколько же так лежать? Дышать трудно. Затекли руки, ноги.

Только бы не шевельнуться!

Если рот не закрывать, кровь вытекает, дышать легче.

Наверху тихо. Рискнуть?

Поднялся с трудом. Кружилась голова. Огляделся. Яма с одной стороны отвесная, с другой спуск в погреб.

Вздрогнул: в погребе трупы.

Встал на камень, брошенный эсэсовцем, выглянул.

Никого.

Лёг на то же место и так же, как лежал.

Почему-то решил, что вылезти можно через час, и стал отсчитывать секунды, минуты, не замечая, что считает очень быстро.

Двадцать минут... Сорок... Шестьдесят!

Пора!

Прислушался.

Тихо.

Встал на камень, выглянул.

Никого.

Как вылез – потом и рассказать не мог.

Через пробитую снарядом кирпичную стену дома виднелась улица. Туда нельзя, заметят. В соседнем дворе или в следующем – разве в горячке запомнишь! – в сторону Девичьего рынка увидел большой деревянный ящик. Приоткрыл крышку, перевалился на высохший мусор. Крышка захлопнулась негромко, а показалось – выстрелила.

«Пережду здесь, пока не стемнеет. А сейчас часов пять, не больше. Глоточек бы воды!»

Кровь на груди, до подбородка и не дотронешься, сочится из шеи справа.

Стянул с себя рубашку – оторвать кусок не хватило сил, обмотал вокруг шеи.

Пить!

Ящик деревянный, а будто огненный.

Да когда же стемнеет?!

...Когда очнулся, не сразу поверил, что наступила долгожданная темнота.

Скорее к реке. Дворами, конечно.

До берега идти минут десять. Решил, что за полчаса доберётся, а добрался лишь к рассвету. Залёг в чьём-то саду, в кустах. А когда совсем рассвело, увидел неподалёку солдат. Один из них наигрывал на губной гармошке какую-то мелодию. Чужую, тревожную.

Это была популярная в то время в фашистской Германии песня:

«Если весь мир будет лежать в развалинах.

К черту! Нам на это наплевать!

Мы всё равно будем маршировать дальше,

Потому что сегодня нам принадлежит Германия,

А завтра – весь мир!»

Пришлось пролежать весь день, боясь шелохнуться.

А вечером гитлеровцы стали пускать осветительные ракеты. Опять задержка. И польза есть. При мертвенно-бледном свете ракет Костя высмотрел, где по берегу патрулируют автоматчики. Вот они сошлись. Вот расходятся. А ну-ка подсчитать, сколько пройдет минут, пока опять сойдутся...

Кажется, правее улица Коммунаров. Узенькая здесь. От неё, чуть правее, шагов пятнадцать, идёт к реке заросшая травой канава...

Опять расходятся. Пора!

Вот она, канава-спасительница!

Не останавливаясь, вполз в реку, проплыл под водой, сколько хватило сил.

Вода освежила, стало легче. Но почему не глотается?

Кажется, уже на середине реки. Доплыть во что бы то ни стало! Обязан доплыть! Обязан!

Рук не вынимал из воды, чтобы не было всплесков. Повторял про себя: «Ждут! Ждут! Ждут!..»

...На рассвете 13 августа 1942 года начальник штаба 6-й краснознаменной стрелковой дивизии позвонил в штаб Центральной оперативной группы НКВД и сообщил, что на Придачу возвратился наш разведчик Костя Феоктистов, раненный, находится в разведбатальоне дивизии. В разведбатальон спешно выехал на «газике» парторг группы лейтенант государственной безопасности Валерьян Матвеев.

– Жми на всю железку! – торопил он шофёра. – Молодец! Молодец!

– Стараюсь! – откликнулся шофер.

– Костя молодец! Понимаешь, вернулся!

Командир разведбатальона уже выписал на Костю карточку, как на раненого бойца батальона.

Обнялись. Валерьян Матвеев хотел расспросить Костю, как же он уцелел, но увидел окровавленную тряпку, обмотанную вокруг Костиной шеи, и не решился.

– А Юра вернулся? – еле выговорил Костя.

– Вернулся, живой!

Бережно поддерживая, Валерьян Матвеев отвез Костю в медсанбат дивизии, в посёлок Сомово. В медсанбате установили, что пуля попала в подбородок слева и вышла из шеи справа, ниже уха на три пальца.

Костя просил пить, а не мог глотать, и врач заподозрил, что прострелен пищевод, сказал, что надо срочно отвезти в эвакогоспиталь.

На том же «газике» Матвеев привез Костю в госпиталь, находившийся примерно в тридцати километрах от Сомова, в селе Макарье Рождественско-Хавского района, в помещении церкви. Кровати заменяла щедро настланная солома.

– Просто чудо! – удивленно сказал врач, осмотрев Костю. – И пищевод цел, и даже челюсть не разбита, все зубы целы. Будешь рассказывать товарищам, и не поверят.

– А мы дадим Косте справку с печатью, что он был расстрелян фашистами 11 августа 1942 года, – засмеялся Валерьян Матвеев, обрадовавшись, что серьёзной опасности нет.

– Пить! Хочу пить!

Через резиновую трубку врач влил Косте два стакана питательной жидкости. Костя повеселел и хотя с трудом, но рассказал, что с ним произошло, доложил Матвееву о результатах разведки – кратко, самое важное. Из штаба Центральной оперативной группы НКВД ежедневно звонили в госпиталь, справляясь, как

чувствует себя Костя. Три дня отвечали, что кормят через резиновую трубку, а на четвертый порадовали, что уже сам может есть жидкую пищу. Но добавили, что продержат не менее месяца, раньше нельзя выписывать.

А Костя появился через две недели. Признаться, чекисты растерялись. Костя, улыбнувшись, доложил:

– Удрал! – И добавил: – Попить. Уже могу.

Евгения Левикова, Зинаида Исаева кинулись в кухню за кипяченой водой. Врач Федоров тревожно повторял:

– В медсанбат! Немедленно! Немедленно!

Минут через десять медсестра, та самая, что оказывала Косте первую помощь, ахая и охая, торопливо сняла пропылившиеся бинты.

– Отстегала бы тебя, – говорила она, заботливо дезинфицируя чуть затянувшиеся раны на подбородке и на шее, – да вроде неудобно лупить разведчика. Ну, ну, не кривись. Больнее было, когда фашист тебя расстрелял. А шрамы останутся на всю жизнь. Гордись ими. Почётные. За Родину кровь пролил...

В медсанбате и разыскала сына Мария Федоровна. Она уже побывала и в Макарьевском эвакогоспитале и там узнала о подвиге Кости.

– Мама! – обрадовался и испугался Костя.

Совсем мальчишеское лицо. Уши ещё больше оттопырились. Оттого, что похудел? Вспомнилось: в детстве насильно заставляла пить козье молоко, специально купила козу... А глаза...

Глаза не мальчишеские. Взрослого человека, много испытавшего.

Прижался, как когда-то давным-давно в детстве, тихо сказал:

– Не сердись, мама... Щадить себя – человеком не станешь.

За мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР наградил Константина Петровича Феокистова орденом Отечественной войны I степени.

Публикуется по: Ананьин С. Ради человека // Фронт без линии фронта. – Москва : Изд-во Агентства печати «Новости», 1965. – 256 с.